

Татьяна Анатольевна Космеда

Польша, Университет им. Адама Мицкевича в Познани

Потенциал графемки в моделировании прагматики текста (дискурса) и развитии национальной лингвокультуры

Ключевые слова: графема, лингвография, лингвокультура, прагматика текста (дискурса).

Key words: grapheme, linguography, linguo-culture, pragmatics of text (discourse).

Abstract

The paper analyzes the phenomena of graphemes manipulation, punctuation marks and other graphemic symbols. These phenomena are traced in a modern text (discourse) to model the pragmatic senses and the discourse effects. The abovementioned aspects are investigated in the sphere of modern linguography.

Новая полифункциональная, прагматически направленная научная парадигма знаний требует новых взглядов на традиционные лингвистические объекты. К таким объектам принадлежит и система графем, звуко-букв, знаков пунктуации как единиц современной письменности, базовых единиц лингвографии, графики.

Мысль (концепт) своеобразно отразилась и определенным образом зафиксировалась в буквах алфавита, графемах (этот термин ввел в лингвистику Бодуэн де Куртенэ для зрительной фиксации образа фонемы) и других единицах системы графических средств, что подтверждают научные разыскания, посвященные проблемам лингвографии, графики, орфографии, пунктуации, а также лингвокультурологические, прагмалингвистические исследования, современные работы по лингвистике текста и лингвостилистике в частности.

О своеобразной прагматике звуко-букв в свое время писал А. Потебня, подчеркивая их роль в каждой лингвокультуре отдельно, ср.: «А – общее выражение равномерного тихого, ясного чувства, спокойного наблюдения,

но вместе с тем и удивления»; «У – стремление субъекта удалить от себя предмет, чувство противодействия, страха» и т.д. [Потебня 1989: 101].

Как известно, оппозиционным коррелятом содержания традиционно считают форму, а к «форме» относят и звуковую оболочку единиц языка, и буквенные знаки, с которыми соотносится соответствующий смысл.

Разрабатывая теорию межкультурной коммуникации, Петр Донец совершенно справедливо подчеркивает, что внешняя форма знаков часто выступает «смыслообразующим фактором» и генерирует лингвоспецифические, т.е. непосредственно обусловленные спецификой конкретного языка смыслы (буквы, рифма в поэзии, игра слов, текстуализированные вербальные ассоциации, стилистико-прагматические эффекты в процессе употребления территориальных или социальных вариантов произношения и т.п.), что проиллюстрируем на конкретном примере из поэзии И. Бродского, ср.:

Эти слова мне диктовала не / Любовь, и не Муза, не потерявший скорость / Звук
пытливый, бесцветный голос; / Я отвечал, лежа лицом к стене. / «Как ты жил в эти
годы?» – «Как буква „Г” в „ОГО”» [Бродский 1965: Темза в Челси].

В этом случае буква «Г» концептуализировалась, создав авторский образ, приобретя при этом смысл «никак, отсутствуя вообще». Пример демонстрирует удачную находку И. Бродского для моделирования оригинального образа: созданная экспрессия объясняется спецификой русской орфографии и соответствующего правила русской орфоэпии: в родительном падеже единственного числа имен прилагательных, порядковых числительных, местоимений-прилагательных, причастных форм в окончаниях пишем *-ого*, а на месте буквы *Г* произносим *В*. Начертания букв алфавита также порождают своеобразные ассоциации у И. Бродского, ср.: *На пустой голове бриз шевелит ботву, / И улица в далеке сужается в букву «у»* [Бродский 1972–1976: Часть речи]. Как видим, ассоциация И. Бродского совпадает с ассоциативным представлением этой звуко-буквы у А. Потебни.

Влияние внешней формы, таким образом, может привести к значительным трудностям в межкультурной коммуникации, особенно в межкультурной трансляции [Донец 2001: 190], что иллюстрирует приведенный выше пример: перевести первую из приведенных выше стихотворных фраз И. Бродского на другой язык без утраты оригинальности созданного образа практически невозможно. Согласимся с мнением П. Донца, что уже на уровне графем можем наблюдать отчуждение. Именно об этом писал намного раньше (еще в XIX веке) и известный украинский исследователь Иван Франко в целой серии своих разысканий, в частности в статье «*Етимологія і фонетика в южноруській літературі*» («*Этимология и фонетика в южнорусской литературе*») он убедительно иллюстрирует положение о единстве формы и содержания, обращает внимание на необходимость учета и фонетики, и графики, и этимологии в процессе интерпретации значения слова [Франко 1981: 150]. Его размышления

являются реакцией на предложения, имеющие место во второй половине XIX века, о замене кириллического алфавита украинского языка на латиницу. Исследователь убедительно показывает, что это сделать просто невозможно, т.к. в латинском алфавите нет графем, которые могли бы передать специфику украинского произношения.

В аспекте теории и практики лингвографии осуществлялась креативная деятельность украинских лингвистов второй половины XIX века – М. Драгоманова, П. Кулиша, И. Франко, М. Шашкевича и др., которые направили свои усилия на развитие, совершенствование, «чистку» украинской графики и орфографии, отстаивали национальные приоритеты в «азбучных и орфографических войнах», что обогатило украинскую лингвографию разными терминами: «желеховка», «кулишивка», «драгомановка» и др.

Буквы алфавита, звуко-буквы, графемы как основные единицы лингвографии, графики выполняют, как и любые иные языковые знаки, функцию символа, прежде всего и такого, сквозь который может осуществляться «национальная мобилизация» (А. Штукенброк) [Штукенброк 2013]. Графемы обладают значительным идеологическим и эмоциональным потенциалом, способностью влиять на языковое сознание носителей языка. Графемные знаки способствуют моделированию прагматических смыслов, создают прагматические эффекты. Эти знаки лингвокультуры способны выражать «дух» языка (А. Потебня), поскольку «форма», как подчеркивалось, оппозитивный коррелят «содержания»: их единство и создает смысл.

Вышедшие из употребления буквы кириллицы сегодня активно употребляются для создания номинаций – названий журналов, газет, организаций и т.д., очевидно, такие названия обладают особой привлекательностью, аттракцией, потенциалом рекламы и т.д. Приведем распространенные в современном дискурсивном пространстве Украины названия с актуализацией кириллических букв-историзмов, например, *я* (*ять*) – газета «*Ять*», «*Ять-культура*» (номинация служит для названия представителей одной из молодежных организаций); «*Ижница*» – название общественно-политической газеты, выходившей на Луганщине (это архаическое название кириллической буквы, видимо, избрано для номинации с целью показать большой потенциал газеты, служащей для представления славянской культуры). Кроме того, в дискурсивном пространстве активно используются и буквы украинского алфавита, отличающие его от других славянских алфавитов: они также активно подвергаются семантизации и прагматизации, становятся продуктивным средством для создания номенов, например, укр. *Ї*: именно эту графему используют для названия организации молодых украинских ученых, литераторов, переводчиков и общественных деятелей; кроме этого, «*Ї*» – это еще и интердисциплинарный форум, на котором каждый может высказать свою мысль о проблемах украинской культуры, а еще это название газеты. Точно так же активно используется и буква современного украинского алфавита *є*:

ее также нет в других славянских алфавитах, например, существует журнал под названием «Є» и т.д.

Современная немецкая исследовательница Анна Штукенброк подчеркивает, что родной язык даже при помощи графики уже создает историю народа – его носителя: не только каждое слово, но и каждая буква, и каждый звук свидетельствуют о «глубинной сущности», «древней истории», «величии», «разуме», «моральном начале», «духовности» и «душевности» носителей каждого конкретного языка [Штукенброк 2013: 65]. Сказанное объясняет, почему именно внешняя форма знаков часто становится смыслообразующим фактором и генерирует лингвоспецифические (непосредственно обусловленные особенностями конкретного языка) смыслы, что и объясняет, почему современные языковеды уделяют такое внимание исследованию проблем графики и лингвографии, в частности теоретическим вопросам мотивации целесообразности использования графики и пунктуации, определенных видов шрифтов и других элементов полиграфии в процессе моделирования текста.

Проблематика лингвографии особенно актуализировалась в современном украинском языкознании в связи с последними необходимыми реформами графики и орфографии, происходящими в украинской лингвокультуре.

Однако напомним, что еще в начале XX века А. Реформатский и несколько позже, в середине XX века Л. Булаховский актуализировали проблематику лингвографии, предмет которой данные ученые определяли как оформление текста в соответствии с широкими возможностями полиграфии, а также с учетом ее прагматических возможностей. При этом исследователи прозорливо подчеркивали, что эта специфика далеко не так ограничена, как это может казаться на первый взгляд. В частности, Л. Булаховский настойчиво подчеркивал, что не следует недооценивать фактора оформления текста [Булаховський 1975(а): 90]. Невзирая на существующую традицию определения значительной роли лингвографии, как представляется, и сегодня эта наука не имеет должного развития и разработанной теории, хотя функции графем расширяются, а современные системы письма отдельных языков отражают их выраженную «связь с характером» языков [Булаховський 1975(б): 242].

Анализ работ по лингвографии позволяет утверждать, что на сегодня это научное направление все еще не имеет определенного понятийного аппарата, соответствующей методологической базы, в частности неопределенными остаются ее объект, предмет, задачи, методы и т.д., что требует конкретного осмысления, обобщения и соответствующей разработки. Нет единства даже относительно названия этого направления, кроме термина *лингвография*, функционируют также *графическая лингвистика*, *граматология*, *граматогRAFия*, *графология*, *филография*, *линфографика*. Языковеды убеждены, что в лингвографии (считаем наиболее приемлемым именно этот термин) можно выделить несколько разделов, учитывая структурное разнообразие ее единиц, характер соотношения с нелингвистическими сферами, способы

анализа, при этом каждый из предполагаемых разделов может иметь еще и подразделы [Макарук 2013].

Однозначно можно констатировать, что *лингвография* – это комплексная наука о письме, хотя термин «лингвография», или «графическая лингвистика» образно называют «зонтиковым», поскольку он охватывает смежные научные направления, имеющие общий абстрактный исследовательский объект – письмо, или шире – письменность, однако эти направления отличаются исследовательским предметом, что и составляет основную сложность в разработке теории этого направления.

Уделяя особое внимание проблемам лингвографии, Л. Булаховский писал, что господствующая (типичная) графическая форма письменных знаков определенной цивилизации является условной: ее признают лишь вследствие длительной традиции использования [Булаховский 1975(б): 242], но она тесно связывается с национальным языковым сознанием, укрепляется в нем, что осложняет ее реформирование.

Графика как составляющая лингвографии, без сомнения, считается важным идеологическим фактором каждой лингвокультуры. Так, например, в украинской лингвокультуре, как отмечалось, имели место «предложения» относительно замены кириллицы латиницей под влиянием польской идеологии, а также «ликвидации» некоторых букв, например г, вследствие реформ графики под давлением советской идеологии, однако все эти попытки не были реализованы вовсе либо лишь частично, ибо с течением времени «репрессированные» буквы возвращались в лингвокультуру, как это произошло с вышеупомянутым г.

Академик В. Нимчук в работе «Про графіку та правопис як елементи етнічної культури» («О графике и правописании как элементах этнической культуры»), перефразируя слова Т. Шевченко, пишет: «Ну что, казалось бы, буквы? Письменные знаки и больше ничего!», подчеркивая, что существует «тесная связь системы языка с системой письменности в человеческом отражении, мышлении», поскольку каждый язык усваивается акустически и визуально (текст, графические знаки) [Німчук 1991], что бесспорно и не вызывает сомнений. Ученый называет алфавит, графемы «лицом нации». Напомним известные факты, когда создавались памятники отдельным буквам, что и указывает на их особенное значение для культуры народа: в городе Крк сооружен памятник в виде стилизованной буквы *az*, а на полуострове Истрии есть *Аллея глаголицы*, не исчезли и *юсы* – польская нация чрезвычайно гордится своими носовыми. У белорусов есть памятник *у неслоговому*. А у россиян, например, имеются памятники буквам *ѐ, э*.

Знаки пунктуации, хотя и не имеют особых отличий в разных лингвокультурах в аспекте их формального выражения, принадлежат к вспомогательным графическим знакам, выполняют фонографическую, смысловоразличительную, графомаркирующую и прагматическую функции. Эта тенденция актуализации

названных функций усилилась в настоящее время, хотя она и имеет длительную лингвокультурную традицию.

Опередив время, Л. Булаховский выделил *прагматическую функцию* пунктуационных знаков: исследователь ввел в лингвистический оборот понятие «*аффективного знака*», а также «*эмоционального разделительного знака*» как такого, который выражает соответствующие эмоции и чувства человека.

Таким образом, письменная речь каждого народа опирается на систему графических знаков (основных и вспомогательных), возникших на соответствующем этапе человеческого развития и впоследствии совершенствовавшихся: они играют важную роль в становлении и развитии лингвокультуры каждого отдельно взятого народа.

Графему рассматриваем и как текстовую категорию, поскольку известно, что в лингвостилистике существует выработанная традицией система приемов, служащих для моделирования выразительности, образности текста, его орнаменталики (капитализация, дефисация, отсутствие пробелов, абзацов и т.д.). Речь идет, в частности, и о функциях *интимизации – отчуждения* (можно размышлять о наличии *графемной* или *графической интимизации* либо такого же рода отчуждения), которые реализуются при помощи графемы, что также исследуется в пределах лингвографии.

Очевидно, графемы, выполняющие эту функцию, можно квалифицировать как *графемы-интимизаторы* и *отчуждающие графемы*. Явление интимизации традиционно рассматривается как актуализация средств и приемов передачи настроения, системы эмоций, гаммы чувств, национальной гордости в частности, способствующих созданию более близкого контакта между говорящими в пространстве дискурса, либо между автором и читателем в пространстве текста. Графические средства непосредственно участвуют в этом процессе.

Использование графических средств дает возможность увеличить количество каналов, благодаря которым информация передается адресатам, что способствует ее эффективному усвоению. Сегодня различаем *словесный текст* и *текст визуальный*, ср.: «Словесный текст – это графически зафиксированная речь, организованная с учетом соответствующих грамматических правил. Под визуальным текстом [...] понимаем графическое „выполнение“ словесного текста, включающее графическое разделение текста, использование разных гарнитур шрифта, наглядный материал иллюстративного характера и др.» [Палійчук 2011: 103].

И. Арнольд предложила удачный, как представляется, термин *графическая образность* [Арнольд 2002], понимая под этим собственно прием разделения текста на абзацы или стиха на строфы в соответствии с определенными принципами, речь идет о визуальном тексте – *фигурной поэзии* либо *зрительной поэзии* или *графической поэзии*. Зрительная поэзия имеет своеобразное содержание. Считается, что она создает добавочную поэтическую энергию. Зрительную поэзию рассматривают и как поэтическое средство на

уровне просодии, и как специфический вид тропа. Известно, что элементы зрительной поэзии появились еще в древности (*декоративное оформление букв, фигурный текст, надписи на предметах* и т.д.), однако как самостоятельное явление она начала формироваться со второй половины XVI века. На сегодня зрительная поэзия развила собственную систему жанров. Ее совершенствовали модернисты и продолжают развивать постмодернисты [Мойсиенко 2015: 232–244]. В этом направлении в лингвистике уже имеются серьезные разработки (Э. Береговская, Ю. Лотман, А. Мойсиенко, В. Соболев, М. Сорока, Л. Шевченко, В. Шевчук и т.д.).

Графемы, которые лексикализируются и семантизируются, представляют сильную позицию функционирования графических знаков, что способствует моделированию прагматических смыслов, соответствующих функций и отражено во фразеологическом фонде каждого языка, напр.: укр.: *Аз, буки, віде – в золоті їде; від а до я (зет); аз та бука – і вся наука*; рус.: *прописать ижицу; сделать на ять; фертом ходить (смотреть); знать азы* и др. Подобные идиомы развивают межъязыковую омонимию, напр.: в польской лингвокультуре *alfa i omega* означает «неоспоримый авторитет в определенной сфере, знаток чего-то, важное лицо», ср.: *Dziadek był dla malca **alfa i omega** we wszystkich dziedzinach; Z artykułu wynikało, że jego autor jest prawdziwą **alfa i omega*** [Кононенко 2008: 308], а в русской и украинской – «основа чего-либо».

Таким образом, функционируя в современном дискурсивном пространстве, текстах разных функциональных стилей, графемы успешно реализуют свой потенциал, выполняют комплекс функций: актуализируется их архаическое или новое название (лексикализация), они могут приобретать в языковом пространстве соответствующий смысл, значение, прагматику (семантизация, прагматизация), употребляются в непривычной форме (большая буква вместо маленькой либо наоборот и т.д.), нарушая действующие графические (орфографические) нормы, а это позволяет моделировать графическую образность, создавать прагматические эффекты (напр.: «*україна. на межі*» [А. Лаурен]; «*процання в парижі*» [Б. Бойчук]; «*МІСТОрія однієї дружби*» [И. Цилик]; «*Е-міграція*», «*Гру-день*», «*Ismoria хвороби*» [Ю. Издрик]; «*Гравітація*» [Л. Романчук] и т.д.). Наблюдаем и нарушение традиционных пунктуационных норм с актуализацией новых *пунктуационных прагматических норм*. Не требует доказательства факт, что писатели демонстрируют свою «любовь» к определенным пунктуационным знакам, «злоупотребляя» ими для создания специфических смыслов. Традиционно выделяют *индивидуально-авторские пунктуационные знаки* как следствие индивидуально-авторской интерпретации смысла в тексте, кроме этого, прослеживаем вербализацию названий знаков пунктуации для создания новых образов, возникают новые устойчивые языковые формы, например, «вынести за скобки», «взять в скобки», «в кавычках» и т.д., которыми успешно манипулируют носителя языка.

Очевидно, потенциал графеміки буде активно реалізовуватися в сучасній мові кожного мови для створення особливим прагматиком, оригінальним значенням і формам, інтимізує мову, що необхідно скрупульозно фіксувати, відповідним чином інтерпретувати, описувати, об'єднуючи в систему моделей, групує мовні образці.

Література

- Арнольд І.В., 2002, *Стилістика. Сучасний англійський мову*, навч. для вузів, 5-е изд. испр. и доп., Москва: Флінта; Наука, 384 с.
- Бродський І., 1965, Темза в Челсі [в:] Бродський І., *Стихотворення і поеми*, Нью-Йорк, с. 46–48.
- Бродський І., 1972–1976, Частина мови [в:] Марамзін В., Посев А. (ред.), *Стихотворення*, <http://lib.ru/BRODSKIJ/chastx.txt>.
- Булахівський Л.А., 1975, Лінгвографія (а); Соціальні моменти розвитку графіки (б) [в:] Булахівський Л.А., *Вибр. праці*, в 5 томах, т. 1.: *Загальне мовознавство*, Київ: Наук. думка, с. 90, 242.
- Донец П., 2001, *Основи загальної теорії міжкультурної комунікації: науковий статус, понятійний апарат, мовної і немовної аспекти, питання етики і дидактики*, Харків: Основа, 386 с.
- Кононенко І., Співак О., 2008, *Українсько-польський словник міжмовних омонімів і паронімів*, Київ: Вища школа, 342 с.
- Макарук Л.Л., 2013, Графічна лінгвістика: становлення, сучасний стан та перспективи розвитку [в:] Паславська А.Й. (ред.), *Іноземна філологія: Український науковий збірник Львівського національного університету ім. І. Франка*, Львів: Світ, вип. 125, с. 16–21.
- Мойсієнко А.К., 2015, У світі візуальної поезії [в:] Мойсієнко А.К. (ред.), *Філологічні студії: поетика, лінгвістика, літературознавство, літературна критика, перекладознавство, інтерв'ю, публіцистика*, Київ: Київський національний університет ім. Т. Шевченка; Умань: Жовтий О.О., с. 232–244.
- Німчук В.В., 1991, Про графіку та правопис як елементи етнічної культури: історія г, *Мовознавство*, № 1, с. 9–18.
- Палійчук А.Л., 2011, Графічні засоби інтимізації в англійському художньому дискурсі, *Науковий вісник Волинського університету імені Лесі Українки. Сер.: Філологічні науки. Мовознавство*, Луцьк: Волинський національний університет ім. Лесі Українки, № 5, с. 102–105.
- Потебня А.А., 1989, Мисль і мову [в:] Потебня А.А., *Слово і миф*, Серія: Из истории отечественной философской мысли, Мову, Москва: Правда, с. 17–200.
- Франко І.Я., 1981, Етимологія і фонетика в північній літературі [в:] Франко І.Я., *Зібрання творів*, у 50 т., т. 29, Київ: Наукова думка, с. 150–170.
- Штукенброк А., 2013, Лінгвонаціоналізм. Мовна рефлексія як посередник колективної самоідентифікації в Німеччині (1617–1945) (видержки з книги) [в:] Павлова А.В. (ред.), *От лінгвістики к мифу: Лінгвістическа культуралогія в пошуках «етнічної семантики»: збірник статей*, Санкт-Петербург: Антологія, с. 62–94.